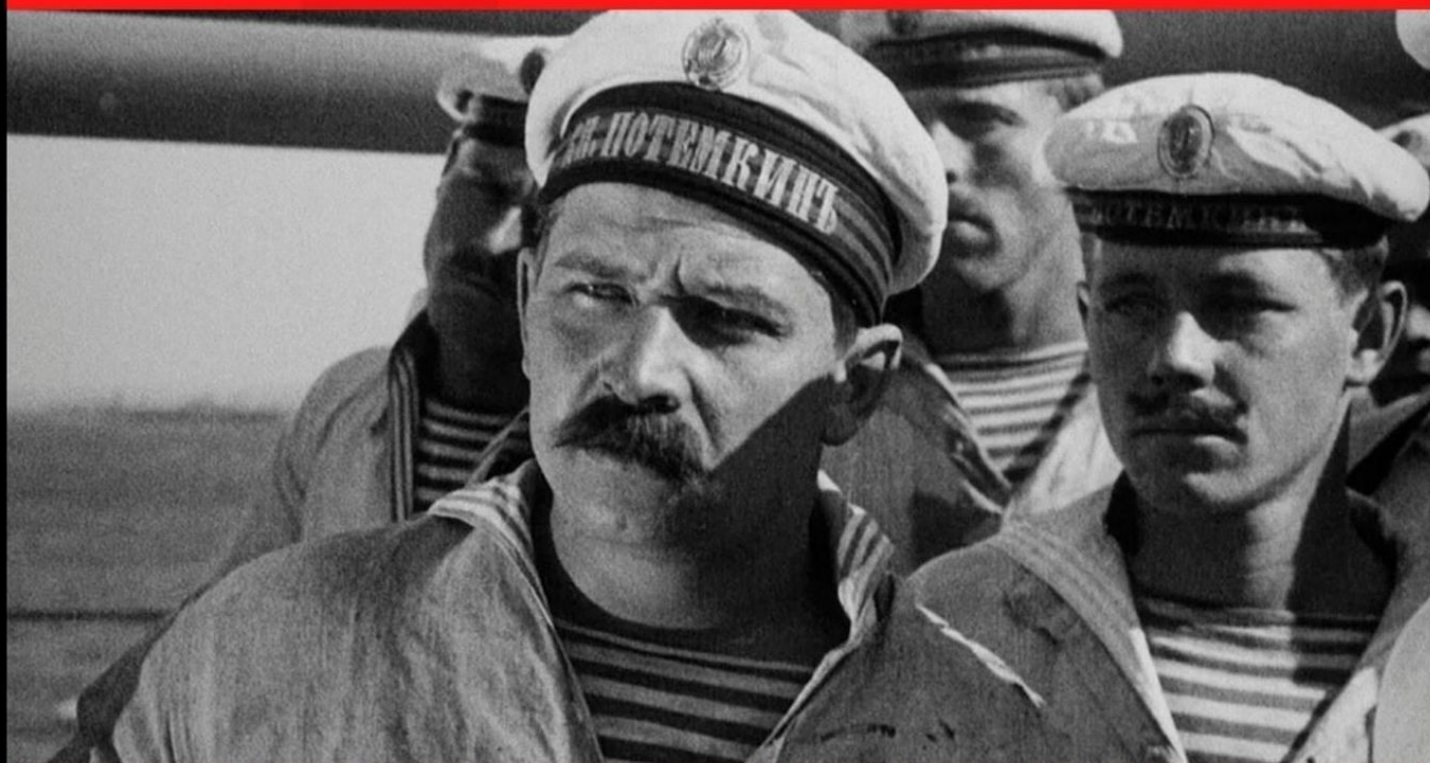

**МИФЫ И ПРАВДА
О БРОНЕНОСЦЕ «ПОТЁМКИН»
1905 год**

ВЛАДИМИР ШИГИН

Матросские мятежи

Владимир Шигин

**Мифы и правда о броненосце
«Потемкин». 1905 год**

«ИП Каланов»

2020

Шигин В. В.

Мифы и правда о броненосце «Потемкин». 1905 год /
В. В. Шигин — «ИП Каланов», 2020 — (Матросские мятежи)

Книга известного российского писателя-мариниста Владимира Шигина «Мифы и правда о броненосце «Потемкин». 1905 год», рассказывает о б одном из знаковых революционных событий в России. При этом автор не придерживается официальной точки зрения на причины восстания, его движущие сил, ход восстания и его последствия, а излагает свою исторически аргументированную точку зрения. Прочитав книгу, читатель получит ответы на многие вопросы, касающиеся не только событий на броненосце «Потемкин», но и на всю революцию 1905 года, в которой еще немало белых пятен. По мнению В. Шигина, восстание на «Потемкине» явилось настоящим Рубиконом всей российской истории – именно тогда русские матросы впервые начали убивать русских офицеров. Именно этот страшный и роковой шаг положил начало всему будущему гражданскому противостоянию в нашей стране, последствия которого мы ощущаем и сегодня. Прочитайте книгу о тайнах восстания на броненосце «Потемкин»! Прикоснитесь к малоизвестным и страшным страницам нашей истории не только для того, чтобы узнать прошлое, но и для того, чтобы понять сегодняшнее!

© Шигин В. В., 2020

© ИП Каланов, 2020

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владимир Шигин

Мифы и правда о броненосце «Потемкин». 1905 год

*День прошел.
На заре,
Облачась в дымовую завесу,
Крикнул в рупор матросам матрос:
– выбирай якоря!
Голос в облаке смолк.
Броненосец пошел на Одессу,
По суровому кряжю
Оранжевым крапом
Горя.*

Б. Пастернак

Кто из нас не слышал о восстании на эскадренном броненосце Черноморского флота "Князь Потемкин – Таврический"! Кто не помнит знаменитый фильм Сергея Эйзенштейна, ставший не только классикой мирового кинематографа, но и гимном всем революциям мира. А потому совсем не случайно, что и само восстание на броненосце "Потемкин", с момента которого уже минуло сто лет, мы вольно или невольно, но воспринимаем именно через знаменитый фильм.

Афиши фильма «Броненосец Потёмкин»

Однако зададимся вопросом: почему, когда и у кого вообще возникла потребность в создании именно этого фильма, ведь в распоряжении режиссера и сценариста имелось немало других героических сюжетов из недавнего революционного прошлого России? Почему же воспеты в фильме были именно события не социалистической 1917, а буржуазной 1905 года революции? Почему не "Аврора", а "Потемкин"? На этот, казалось бы, на первый взгляд, совершенно неважный вопрос мы и попытаемся ответить, ибо именно в нем кроются многие тайны трагических событий лета 1905 года.

Вне всяких сомнений, что, утверждавший романтическую версию одного из самых кровавых восстаний отечественного флота, фильм был сделан столь талантливо и убедительно, что

нашел путь к сердцам миллионов зрителей. Однако попробуем разобраться в том, насколько правдиво отражает знаменитая кинолента настоящий ход событий на "Потемкине"? Да и все ли мы знаем о том, что в действительности предшествовало восстанию на броненосце и как оно проходило на самом деле?

Глава первая

Классическая версия восстания

История восстания на эскадренном броненосце «Потемкин», в «классическом» изложении многочисленных книг, публикаций и учебников в общих чертах выглядит следующим образом.

Эскадренного броненосца «Князь Потёмкин-Таврический»

На броненосце Черноморского флота "Потемкин" к середине 1905 года сложились невыносимые условия службы. Командование корабля постоянно и вполне осознанно измывалось над своими матросами. Особенно тяжело пришлось матросам во время учебного плавания к Тендровской косе.

После завтрака, когда началась приборка, матросы, якобы, почувствовали запах испорченного мяса. Потом матрос Григорий Кульков увидел подвешенное мясо, кишашее червями. Позвал товарищей, началось волнение. Вахтенный начальник прапорщик Ливенцов, выслушав матросов, доложил командиру корабля капитану 1 ранга Голикову. Командир корабля и старший врач Смирнов пришли на спардек. Доктор, разрезав кусочек мяса, заявил, что мясо хорошее, а ползают по нему не черви, а личинки, которых достаточно промыть морской водой.

Командир эскадренного броненосца «Князь Потёмкин-Таврический» капитан I ранга Евгений Николаевич Голиков

Чашу терпения голодной и замордованной команды переполнила весть о том, что их будут кормить на обед борщом из червивого мяса. Матросы отказываются от некачественного борща. Взбешенный командир строит команду на палубе и приказывает всем есть борщ! Чтобы не доводить дела до крайнего обострения наиболее сознательные матросы-большевики во главе с Григорием Вакуленчуком выходят из строя и говорят, что согласны есть борщ. Они считают, что время восстания на броненосце еще не пришло и его надо устроить на всем флоте одновременно, причем несколько позднее. За матросами-большевиками соглашаются есть борщ и все остальные. Инцидент, кажется, исчерпан, но командир корабля внезапно для всех решает жестоко покарать, не желавших обедать матросов. Он приказывает отделить часть команды для публичного массового расстрела здесь же на палубе. Матрос Вакуленчук пытается предотвратить расправу, но разъяренный старший офицер смертельно ранит матроса из револьвера.

Убийство Вакуленчука служит сигналом к восстанию. Самый близкий друг и соратник Вакуленчука матрос Афанасий Матюшенко тут же из винтовки убивает старшего офицера, после чего матросы убивают особо ненавистных офицеров, поднимают красный флаг, избирают матросский комитет для руководства кораблем и спешат в Одессу на помощь восставшим рабочим.

Там они организуют похороны Вакуленчука, стреляют из орудий по правительственным войскам, а потом выходят из порта навстречу правительственной эскадре и в молчаливом поединке заставляют царских адмиралов признать свое поражение. Однако офицеры не дают остальным кораблям примкнуть к восстанию. К восставшему броненосцу присоединяется броненосец "Георгий Победоносец", но предатели революции быстро выводят его из строя и "Потемкин" снова остается один.

Афанасии Николаевич Матюшенко

В течение недели "Потемкин" бороздит Черное море, сея страх в душах власть предержащих. Он еще раз наводит ужас на царскую власть в Феодосии, а затем, когда кончается уголь, уходит в Румынию. Там потемкинцы сходят на берег и пополняют собой ряды революционеров-эмигрантов.

Григорий Никитич Вакуленчук

Значение восстания на "Потемкине" высоко оценил в ряде своих работ В.И. Ленин, как первое восстание против царского режима целой воинской части в полном составе. Именно В.И. Ленин и дал характеристику мятежному "Потемкину", как "непобежденной территории революции".

С большими – меньшими подробностями, но именно такая "классическая" версия восстания на знаменитом броненосце кочует уже больше века из одного научного труда в другой. На ее же основе пишутся учебники истории и популярные книжки.

Удивительно, но, несмотря на, изобилие всевозможной литературы о "Потемкине", что-либо конкретного и документально подтвержденного о событиях на «Потемкине» известно крайне мало. И это совсем не случайно! Начать надо хотя бы с того, что в архиве ВМФ следственные материалы о восстании на "Потемкине" почему-то отсутствуют. Там в изобилии имеются документы по восстанию на крейсере "Очаков", о восстании в Свеаборге и Кронштадте, а о "Потемкине" практически ничего нет. Почему? Этого не знает никто. Когда и кто изъял "потемкинские" документы неизвестно. Где они находятся ныне тоже непонятно. Судя по всему, сделано это было уже давно, так как никто из историков никогда материалами расследования "потемкинского дела" не пользовался. Почему? Может потому, что там имеется много такого, что в корне расходится с навязываемой нам официальной версией?

Именно поэтому практически единственным источником информации о восстании на броненосце "Потемкин" всегда традиционно были воспоминания участников тех достопамятных событий. Их печатали, их цитировали, на них ссылались. Удивительно, но чем больше проходило времени со времени восстания, тем все больше и больше воспоминания, а затем и научные работы (на эти воспоминания ссылающиеся) становились как две капли воды похожими на сценарий кинофильма о "Потемкине". А потому, начиная разговор о восстании на броненосце "Потемкин" лучше всего обратиться к воспоминаниям, которые отделяло от времени восстания совсем немного времени.

В 1925 году к 20-летию революционных событий на Черноморском флоте всесоюзным обществом политических каторжан и ссыльнопоселенцев была издана книга воспоминаний участников тех достопамятных событий озаглавленная: "Революционное движение в Черноморском флоте в 1905 году. Сборник воспоминаний и материалов". Эта небольшая по объему книжица интересна сразу по нескольким причинам. Во-первых, воспоминания написаны до периода сталинской диктатуры, в период еще так называемых партийных свобод, а потому она полностью свободна от цензуры последующих лет. Во-вторых, перед нами воспоминания непосредственных участников восстания, написанные еще по относительно свежим следам революционных событий до выхода на широкий экран знаменитого кинофильма, а, следовательно, свободные от версии Эйзенштейна.

В 1977 году я поступил в Киевское высшее военно-морское политическое училище, располагавшееся. Где-то на втором курсе у нас объявили, что группа ротной художественной самодеятельности должна ехать в Киевский дом престарелых ветеранов партии, чтобы поздравить со столетним юбилеем последнего потемкинца, матроса Шестидесятого. Мне очень хотелось увидеть и услышать живого потемкинца, а потому я тоже напросился в эту поездку.

Столетний ветеран, к этому времени уже почти не вставал с кровати и пользовался слуховым аппаратом, однако сохранил известную трезвость ума. Когда наши ребята подарили ему традиционную флотскую тельняшку, спели пару революционных песен и сплясали «яблочко» прямо в палате, растроганный старик начал нам рассказывать о восстании на "Потемкине".

Броненосец «Георгий Победоносец»

Однако, чем больше я его слушал, тем больше мне казалось, что ветеран просто пересказывает нам содержание хорошо известного фильма С. Эйзенштейна. Когда же Шестидесятый начал рассказывать о том, что собственными глазами видел, как на Потемкинской лестнице каратели расстреливали демонстрацию и вниз по ступням внезапно покатила детская коляска с ребенком (а это, как известно был эпизод, придуманный самим Эйзенштейном, о чем уже тогда много писалось), все стало окончательно понятно. Разумеется, винить старика в том, что знаменитый кинофильм давным-давно перемешался для него с реальными событиями нельзя. Сила искусства и преклонный возраст сделали здесь свое дело.

Так началось мое знакомство с темой знаменитого восстания. Затем были книги о восстании на броненосце «Потемкин», но чем больше я их читал, тем больше понимал, что в реальности то, о чем писали «историки» происходить просто не могло.

Вот лишь один пример. Классикой потемкинской темы с вот уже более полвека считается книга И. Пономарева «Герои «Потемкина» (Москва. Воениздат, 1956 г.), переиздававшаяся множество раз. В ней автор не просто изложил свое личное видение событий на мятежном броненосце, но создал поистине фантастическое произведение, не имеющее ничего общего с реалиями событий. Чего стоят только выдуманные им диалоги, в которых «отважные революционеры» разговаривают исключительно плакатными лозунгами. И. Пономарев пишет: «Как только раздался призыв Матюшенко, Вакуленчук понял, что теперь ничего не остановит матросов.

Потемкинская лестница

Он тоже выхватил у кого-то из караула ружье и, высоко подняв его, громко крикнул: «Да здравствует революция! Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» «Смерть драконам!» – дружно подхватили матросы!.. Вакуленчук решительно направился к командиру: «От имени народа вы арестованы!» – заявил он Голикову. Это видел Гиляровский.

Ипполит Иванович Гиляровский

По поведению матросов и по действиям самого Вакуленчука он понял, что Вакуленчук и есть тот самый вожак команды, которого они с командиром искали. Старший офицер прицелился и выстрелил. Григорий упал на палубу, смертельно раненный. Падая, он крикнул подбежавшим матросам: «В Одессу! К рабочим!» Многие из матросов слышали этот призыв любимого товарища. Выстрел в Вакуленчука на какой-то миг вызвал среди матросов замешательство. На это и рассчитывал Гиляровский... «Гиляровского за борт!» – крикнул кто-то. Матросы устремились туда, откуда раздался выстрел. Но Гиляровского за башней не оказалось. Он скрылся. На палубу с винтовкой в руках (но без патронов) выбежал Матюшенко. Голиков вместе с артиллеристским офицером Неупокоевым преградили ему путь. «Брось винтовку!» «Никогда, пока я жив!» «Брось оружие, приказываю!» «Убирайся вон, броненосец теперь наш!» Сказав это, Матюшенко швырнул в Голикова штык, а затем изо всех сил замахнулся на командира прикладом, но тот сумел увернуться.

Фотография членов команды броненосца «Потёмкин». В центре группы – лейтенант Л. К. Неупокоев.

Удар пришелся по палубе и был настолько силен, что приклад винтовки переломился. Перед Матюшенко вдруг появилась фигура отца Пармена, и на какое-то время отвлекла его, да и других матросов от Голикова. «Мир с тобой, сын мой!» – осеняя Матюшенко крестом, бормотал испуганный поп. «Остань от меня, пьяница!» – оборвал его Афанасий. Тем временем Голиков исчез. На палубу принесли патроны. Матюшенко взял другое ружье и прицелился в артиллеристского офицера Неупокоева, бегавшего по юту и кричавшего: "Всех под суд"! Выстрел оказался точным. Труп Неупокоева матросы выбросили в море. Некоторые из офицеров, боясь возмездия, попрыгали в море и поплыли к миноносцу. Матросы открыли по ним огонь. Другие попрятались в каютах, в машинном отделении. Наконец-то был обнаружен прятавшийся от справедливого возмездия Гиляровский. Вторым выстрелом Матюшенко ранил его. Подоспевшие матросы подняли старшего офицера на штыки и тоже выбросили в море. В этот момент на палубу вышел лейтенант Вильгельм Тон и сделал знак рукой: дескать, внимание, буду говорить. На секунду водворилась тишина. «Хочу тебе поведать...» – Тон направился к Матюшенко и неожиданно дважды выстрелил в него из револьвера.

Старший минный офицер броненосца «Князь Потёмкин Таврический», лейтенант Тон Вильгельм Карлович

Пули не задели Матюшенко. Афанасий быстро прикончил Тона. «Где тиран? Куда делся Голиков?» Перетрусивший Голиков заперся в своей каюте и пытался выбраться в море через иллюминатор. Чтоб его не узнали по мундиру, разделся. Матросы взломали дверь каюты. «На палубу!» – раздались голоса. Бывшего командира поволокли наверх. На палубе Голиков бросился Матюшенко в ноги. «Я согрешил перед командой. Прости, братец!» – писклявым, дрожащим голосом лепетал он... «Как, матросы?» – обратился Матюшенко к команде броненосца. «На нок его! Он угрожал нам ноком! Пусть теперь сам повисит там! «Нечего с ним возиться, расстрелять кровопийцу!» – кричали другие. Голикова расстреляли, тело выбросили за борт».

Увы, любое историческое событие постепенно обрастает легендами. Порой это происходит само по себе, однако чаще, искусственное легендирование имеет ярко выраженный политический аспект. Любой правящий режим всегда старается «заработать» на истории и изменить прошлое в свою пользу. Говорят, что историки тем и отличаются от Бога, что, в отличие от него, могут менять прошлое по своему усмотрению.

Видимо настала пора и нам разобраться и с событиями, произошедшими в 1905 году на броненосце «Князь Потемкин Таврический», восстановить истинный ход событий и дать беспристрастную оценку тем давним событиям. Интерес этот далеко не праздный, так, как

и сегодня, определенные политические силы, ставя все с ног на голову, пытаются извлечь из истории с восстанием на броненосце «Потемкин» политические дивиденды.

Глава вторая «Потемкин» и его команда

Что же представлял собой эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический» и его команда?

Что касается броненосца, то он был заложен 28 сентября 1898 года на стапеле Николаевского адмиралтейства в городе Николаеве. Разработку проекта, а впоследствии руководство строительством, осуществлял корабельный инженер севастопольского военного порта А.Э. Шотт.

Прототипом для "Потемкина" послужил построенный ранее броненосец "Три Святителя", однако проект нового корабля вобрал в себя ряд перспективных конструкторских решений, примененных при строительстве и других броненосцев. Так, его мореходные данные соответствовали ранее построенному броненосцу "Пересвет".

На «Потемкине» впервые в российском флоте использовали централизованное управление артиллерийским огнем – из центрального поста, расположенного в боевой рубке. Стал «Потемкин» и первым кораблем Российского флота, имевшим котлы для жидкого топлива.

При стандартном водоизмещении 12 480 тонн (фактическом 12 900 тонн) «Потемкин» имел следующие размерения: длину 113,2 метров, ширину по миделю 22,2 метра, максимальную осадку 8,4 метра. Максимальная скорость хода броненосца была не слишком велика, всего 16,7 узлов. Дальность плавания корабля составляло 2200 миль при экономичном ходе в 12 узлов.

Энергетическая установка – три группы паровых котлов (две из них – 14 котлов работали на жидком топливе и одна – из 8 котлов на угольном), приводивших в действие две вертикальные паровые машины тройного расширения суммарной мощностью 10600 лошадиных сил

Бронирование «Потемкин» имел вполне солидное: палуба – 38–76 миллиметров, башни – 254 миллиметров, казематы 76-152 миллиметров, рубка – 229 миллиметров.

Артиллерийское вооружение броненосца было тоже весьма внушительным. Главный калибр «Потемкина» составляли четыре 305-миллиметровых орудия со стволами длиной 40 калибров, размещенные в двух башнях – носовой и кормовой. Помимо этого, броненосец имел шестнадцать 152-миллиметровых орудий, четырнадцать 75-миллиметровых, четыре 47-миллиметровых и два 37-мм орудий, а также две 63-мм десантные пушки и пулемет. В дополнение к этому на броненосце было установлено и пять торпедных аппаратов.

По своим тактико-техническим характеристикам эскадренный броненосец "Князь Потемкин-Таврический" на момент ввода в строй являлся мощнейшим в своем классе кораблем Российского военного флота. Кстати, по вооружению он превосходил близкий ему по типу эскадренный броненосец "Ретвизан", строившийся в Америке для русского флота, а также новейшие английские броненосцы типа "Куин" значительно большего водоизмещения. При этом следует признать, что "Потемкин" уступал им в скорости полного хода, но русское военноморское командование считало его парадные 16 узлов вполне достаточной скоростью для броненосцев Черноморского флота.

В сентябре 1900 года в торжественной обстановке эскадренный броненосец "Князь Потемкин-Таврический" был спущен на воду, а летом 1902 года переведен в Севастополь – для достройки и вооружения. Первоначальный срок ввода в строй был сорван из-за большого пожара, вспыхнувшего в котельном отделении. Урон, причиненный огнем, оказался значительным. Особенно пострадали котлы. Пришлось заменить их другими, рассчитанными уже под твердое топливо. В том же, 1902 году во время испытаний артиллерии главного калибра обнаружилось раковины в броне башен. Пришлось заменять старые башни на новые. А их изгото-

вили лишь к концу 1904 года. Все это в итоге чуть ли не на два года задержало ввод корабля в строй.

Как знать, сложись все иначе, может быть высшее командование и нашло бы вариант как вывести новейший броненосец через Босфор, включив его в состав 2-й Тихоокеанской эскадры. Смог бы «в этом случае «Потемкин», что-либо изменить в раскладе сил в печальном для России Цусимском сражении. Думаю, что вряд ли. Впрочем, скорее всего он вошел бы в историю, как корабль, героически дравшийся с врагом в самом кровавом для нас морском сражении.

Летом 1902 года «Потемкин» был переведен в Севастополь – для достройки и вооружения. Первоначальный срок ввода в строй был сорван пожаром, вспыхнувшим в котельном отделении. Урон был таким, что котлы пришлось заменить на котлы под твердое топливо. Во время испытаний артиллерии главного калибра обнаружались раковины в броне башен. Их тоже пришлось заменять новыми.

Как бы то ни было, но к 1905 году «Потемкин» все же был принят в состав российского императорского флота, несколько пополнив обескровленные после русско-японской войны наши морские силы.

К формированию команды броненосца приступили практически одновременно с его закладкой. Для этого был создан 36-й флотский экипаж, в котором готовили корабельных специалистов различного профиля – артиллеристов, машинистов, минеров.

При вступлении броненосца в строй в мае 1905 года экипаж состоял из 731 человека, в том числе 26 офицеров.

Согласно данным военно-морского историка Б.И. Гаврилова «Потемкин» имел следующий состав экипажа: 20 офицеров флота, четыре инженера-механика, два врача, священник, 12 кондукторов, 763 матроса. Для испытаний механизмов и орудий на нем находились гарантийный механик Николаевского завода А.Н. Харкевич, 23 мастеровых и три офицера от высших технических органов морского ведомства. На день мятежа на борту корабля находилось 15 офицеров, 781 матрос, два врача и один священник, при штатной численности в 705 матросов и 26 офицеров.

* * *

Как и на всех других кораблях российского императорского флота, костяк офицеров на «Потемкине» составляли кадровые офицеры, окончившие полный курс Морского корпуса в Петербурге (а старшие офицеры еще и офицерские классы), имевшие хорошую теоретическую подготовку и необходимый практический опыт, как морской, так и военной службы. Именно эта категория офицеров и определяла лицо флота начала XX века, именно они и занимались обучением и воспитанием личного состава.

Что касается корабельных инженер-механиков, то одна часть из них были выпускниками Морского технического училище в Кронштадте, другая же являлась выпускниками технических вузов, в частности половина младших офицеров-механиков «Потемкина» была выпускниками Харьковского технологического института. Будучи неплохо подготовленными по специальности, выпускники технических институтов, не являлись настоящими офицерами, в классическом понимании этого слова. Многие из них даже не имели офицерских званий. К тому же из – за достаточно, достаточно тяжелой службы и небольших окладов, затруднительной карьеры служба на флоте считалась для дипломированных инженеров (которые в то время ценились в России на вес золота) не слишком престижной. Поэтому особой мотивации у инженер-механиков (особенно для самых молодых из них) для военно-морской службы просто не было.

Помимо этого, из-за больших потерь в русско-японской войне и хронического некомплекта офицеров, на «Потемкине», как и на других кораблях российского флота в 1904–1905 годах, находилась еще одна категория офицеров – младшие офицеры, призванные на время войны из запаса. Это были, по большей части, гражданские штурмана и механики, ставшие на время прапорщиками по адмиралтейству. Данная категория людей офицерами вообще являлись лишь номинально. Прапорщики по адмиралтейству в большинстве случаев просто отбывали номер, считая дни и часы, когда они снова вернуться к вольготной гражданской жизни. Если для войны морской опыт этих людей и мог быть востребован, то для мирных флотских будней они были больше вредны, чем необходимы.

Как мы увидим в дальнейшем, именно представители последних двух категорий офицерского состава окажутся менее стойкими в своем противодействии мятежникам. Как мы понимаем, это произошло совсем не случайно.

На момент рассматриваемых нами в книге событий на борту «Потемкина» из штатного офицерского состава находились: командир корабля капитан 1 ранга Е.Н. Голиков 1-й, старший офицер капитан 2 ранга И.И. Гиляровский, ревизор мичман А.Н. Макаров 4-й, старший минный офицер лейтенант В.К. Тон, старший артиллерийский офицер лейтенант Л.К. Неупокоев 2-й, младший артиллерийский офицер мичман Б.В. Вахтин 3-й, старший штурманский офицер капитан корпуса флотских штурманов К.Г. Гурин, младший штурманский офицер прапорщик по морской части Н.Я. Ливенцев, вахтенный начальник прапорщик по морской части Д.П. Алексеев, вахтенный начальник прапорщик по морской части Н.С. Ястребцев, старший судовой механик подполковник корпуса инженер-механиков флота Н.Я. Цветков, минный механик поручик корпуса инженер-механиков флота С.А. Заушкевич, трюмный механик поручик корпуса инженер-механиков флота А.М. Коваленко, гидравлический механик поручик корпуса инженер-механиков И.Ф. Назимов вахтенный механик подпоручик корпуса инженер-механиков П.В. Калюжнов, старший судовой врач надворный советник С.Г. Смирнов, младший судовой врач лекарь А.С. Галенко.

Поручик Заушкевич Сергей Андреевич, минный механик броненосца «Князь Потёмкин Таврический»

Буквально накануне мятежа мичман был списан с корабля мичман А.Н. Кусков. В книге «Борец за свободу» Б.И. Гаврилов пишет, будто ленинградский историк В.А. Ермолов установил, что А. Н. Кусков участвовал в революционной работе. Однако при этом не приводит никаких подтверждающих фактов. К тому же, несмотря на обилие исторических трудов о революционных событиях 1905–1906 года о таинственном революционном мичмане Кускове никогда никто ничего и слыхом не слыхивал. Думается, что мичман Кусков был просто переведен с корабля на корабль в обычном порядке, а уж «революционером» его сделали задним числом, любители исторических сенсаций. Такое стремление понятно – вот перед вами еще одна тайна броненосца «Потемкин», ведь может быть, окажется мичман-«революционер» в день мятежа на палубе броненосца был бы сейчас у нас второй лейтенант Шмидт!

Уже в самый последний момент с уходящего в море броненосца по каким-то делам съехали на берег мичманы Гнилосыров и Тихменев. Относительно этих офицеров, чудом оказавшихся вне корабля во время печально знаменитых событий на «Потемкине», в 50-е- 70-е годы писали, что оба они, якобы, были особо нелюбимы командой, а потому, узнав, каким-то неведомым образом о готовящейся на корабле расправе с офицерами, попросту сбежали загодя с корабля. В это не слишком верится.

В-первых, еще никто из историков не привел по данному факту никаких документальных свидетельств. Таковыми, как мы понимаем, могли стать документы расследования трагических событий на «Потемкине» или объяснительные записки самих отбывших с борта броненосца офицеров.

Во-вторых, почему съехавшие на брег офицеры при этом не предупредили командира о готовящемся мятеже? Струсили? Сподличали? С точки зрения офицерской чести, да и вообще человеческой морали никакой офицер, находившийся в здравом уме и твердом рассудке, никогда бы так не поступил. Если бы такой факт действительно имел место, то Гнилосырову с Тихменевым после этого не было бы место на флоте, тогда, как оба они впоследствии вполне достойно служили на флоте, и никто никаких претензий к ним относительно событий на «Потемкине» не предъявлял.

В-третьих, выход в море корабля намечался самый заурядный и самый кратковременный, поэтому крайней необходимости присутствия на борту всех офицеров просто не было, тем более что офицеры, скорее всего, были просто отправлены решать какие-то служебные дела на берегу. Это самая обычная практика и в этом откомандировании корабельных офицеров на сутки – двое на берег нет ничего сверхъестественного. Все, служившие когда-либо на кораблях прекрасно это представляют.

* * *

Говоря о команде «Потемкина», необходимо отдельно сказать о такой категории как сверхсрочнослужащие.

Что касается нижних чинов сверхсрочной службы и кондукторов, то они появились в российском флоте в 90-х гг. XIX века, по примеру некоторых западноевропейских флотов. Число сверхсрочников (оставшихся на службе свыше 7 лет) из-за малого жалования и почти одинакового положения с чинами "срочной" службы было незначительным. Мало было и чинов сравнительно привилегированной категории – кондукторов и старших боцманов флота, которые имели свои «кают-компании», особые каюты на кораблях и носили форму одежды наподобие офицерской.

Комплектование кораблей кондукторами и старшими боцманами затруднялось отсутствием системы их подготовки при достаточно сложном экзамене и малыми размерами жалования. Жалование кондуктора на берегу составляло 45–55 рублей в месяц – т. е. столько, сколько мог заработать квалифицированный мастерской, не стесненный к тому же строгими требованиями военной службы. К 1904 году не удалось заполнить даже весьма ограниченные корабельные кондукторские штаты (580 человек). На кораблях эскадры Тихого океана, к примеру, служили всего 96 старших боцманов и кондукторов – несколько более 0,5 % от количества нижних чинов. Только при комплектовании 2-й эскадры Тихого океана на каждый большой броненосец удалось назначить по 12–16 кондукторов.

Среди кондукторов были настоящие мастера своего дела. В боях русско-японской войны кондукторы и старшие боцманы, по существу, будучи избранными из лучших нижних чинов, как правило, вели себя храбро, грамотно руководили устранением повреждений, иногда заменяли офицеров. Об этом свидетельствуют их почетные места в списках награжденных. Однако в силу своей малочисленности эта категория личного состава не в полной мере отвечала тем надеждам, которые возлагались на нее при учреждении. В целом кондуктора и унтер-офицеры «Потемкина» соответствовали предъявляемым им требованиям.

Ну, а что представляли собой матросы «Потемкина»? Известный военно-морской историк капитан 1 ранга В.Ю. Грибовский в свое время дал развернутую картину общего положения дел в 1904–1905 годах на Тихоокеанском флоте, которая не слишком отличалась от ситуации на флоте Черноморском. Он писал: «Достаточно высокий уровень развития системы подготовки нижних чинов позволил в военное время успешно обучить многочисленных новобранцев и направить их на корабли. Дополнительные потребности покрывались призывом 6,6 тысяч запасных матросов и унтер – офицеров, которые на кораблях 2-й эскадры Тихого океана составили от 15 до 23 % общей численности нижних чинов. Опасности войны не вызвали возрастания дезертирства, что свидетельствует о достаточно высоком моральном духе рядового состава флота.

Немногочисленными "нетчиками", как и до войны, оказывались матросы "дурного поведения", зачастую из разряда штрафных, т. е. бывших под судом. Даже в исключительно тяжелом и длительном походе 2-й Тихоокеанской эскадры на театр военных действий "нетчиков" были единицы. Так, по свидетельству обер-аудитора этой эскадры В.Э. Добровольского, среди нижних чинов (почти 16 тысяч человек) был зафиксирован всего один побег – с крейсера "Адмирал Нахимов" в Малаккском проливе. Беглец был подобран иностранным судном и вернулся на эскадру. Правда, имелись сведения и о трех матросах, пропавших с новых броненосцев во время стоянки у берегов Индокитая.

Редки были в этом походе и т. н. "массовые беспорядки" – коллективное выражение претензий во фронте. Оба случая – на броненосце "Орел" и "Адмирале Нахимове" – были связаны с недовольством команды пищей. Только последний случай закончился судом с приговором "зачинщиков" к 34 годам каторжных работ (приговор отложен и не исполнен). И это притом, что матросы эскадры были оставлены без положенного вещевого довольствия и напоминали оборванцев в импровизированной обуви. Увольнения на берег – т. е. минимальный отдых – были редки, а на части кораблей с наиболее многочисленным экипажем не проводились вовсе.

Из дисциплинарных проступков 46 стали предметом расследования, из них только 11 закончились судом. Максимальный приговор – 8 лет каторги с отсрочкой исполнения, два

дела касались "оскорбления действием" матросом офицера, одно – кондуктора. На берегу имели место случаи массового пьянства нижних чинов. Но на эти явления начальство смотрело сквозь пальцы. Зато за пьянство в сообществе подчиненных ему нижних чинов боцман-мат-фельдфебель Алексей Новиков контр-адмиралом Н.И.

Небогатовым был лишен звания и понижен в матросы 1-й статьи.

Случаи рукоприкладства офицеров по отношению к матросам не были правилом, хотя и имели место. Любители кулачной расправы, если случай становился известен начальству, подвергались взысканиям в приказе: например, лейтенанту А.П. Мордвинову ("Владимир Мономах") за удар по лицу машиниста Щербакова было объявлено 5 суток ареста в каюте "с представлением часового". В то же время многие унтер-офицеры и боцмана явно злоупотребляли рукоприкладством, которое не наказывалось и как бы оставалось не известным офицерам.

В боях нижние чины, как правило, сражались храбро и самоотверженно. Многие раненые не оставляли своих боевых постов. Об этом ярко свидетельствуют рапорты и боевые донесения. Так, матрос Булгаков ("Паллада"), имея ранение, помогал переносить других раненых, а после перевязки вернулся к своему оружию. Остался у оружия дважды раненный комендор Малахов ("Диана") и др.

Случай паники имел место только один раз – на крейсере "Дмитрий Донской" в бою 15 мая 1905 г. Но он носил исключительный характер, так как в расстройство пришли уже потрясенные накануне, гибелью своего корабля и выловленные из воды матросы броненосца "Ослябя". В значительной степени были деморализованы и потянулись к казенному вину матросы сдавшихся 15 мая 1905 г. кораблей, но это произошло только после сдачи. Даже в безнадежных условиях люди до конца оставались на боевых постах.

Многие нижние чины проявили себя не только храбрыми воинами, способными к самопожертвованию, но также инициативными исполнителями и даже руководителями, принимавшими самостоятельные решения. Среди таких можно назвать боцманмата с броненосца "Победа" Петра Апалинова, кавалера всех четырех степеней Знака отличия Военного Ордена (самостоятельно командовал минным катером) или машинного квартирмейстера с крейсера "Баян" Василия Бабушкина, участника боев под Порт-Артуром и Цусимского сражения. Помимо четырех "Георгиев" Бабушкин был отмечен также Знаком отличия ордена Святой Анны – т. е. получил максимум возможных для нижнего чина наград. После войны (в порядке исключения) в офицеры по адмиралтейству был произведен бывший минный квартирмейстер с "Баяна" Андрей Буторин, который в Порт-Артуре со знанием дела выполнял самые рискованные вылазки.

Качество специальной подготовки (профессионализм) матросов и унтер-офицеров в начале XX в. было достаточно высоким. Достижение его обеспечивалось экстенсивным путем – за счет увеличения сроков обучения. Неоправданно много времени тратилось на теоретический курс и строевую подготовку. В практическом обучении комендоров не применялись береговые тренажеры, зато во время практического плавания стремились к освоению всех систем артиллерийского вооружения, количество которых из года в год возрастало.

Так, в кампании 1900 г. ученики-комендоры старшего класса проходили 21 урок стрельбы из различных орудий, имевшихся на кораблях учебноартиллерийского отряда, в том числе из новейших патронных, а также из совершенно устаревших образца 1867 г. К сожалению, руководители учебных отрядов – адмиралы З.П. Рожественский, Д.Г. Фелькерзам, Н.И. Небогатов, П.П. Молас – не смогли оценить значение специализации в обучении артиллеристов. Характерно, что многие выпускники учебных отрядов, успешно освоив весь курс подготовки, при назначении на корабли флота вновь сталкивались с совершенно незнакомыми им новыми артиллерийскими установками.

Следует отметить, что специальность комендора, как и сигнальщика, была непопулярной среди нижних чинов, которые рассчитывали за семилетнюю службу приобрести навыки, полез-

ные для "гражданки". Например, стать машинистами или гальванерами (электриками). Учрежденные в начале XX века призы для комендоров Учебно-артиллерийского отряда за лучшую стрельбу являлись недостаточным стимулом к управлению орудиями.

В то же время нельзя согласиться с отдельными заявлениями о том, что русский матрос заведомо тяготился службой, "тянул ляжку" как придется, а по натуре был ленив и глуп. События войны показали, что при обеспечении грамотного управления и личной примерности офицеров нижние чины флота были вполне на уровне требований, предъявляемых боевой обстановкой».

По возрасту матросы «Потемкина» серьезно отличались от нынешних призывников-мальчишек. Если в советское время и сейчас призываются в основном 18-летние мальчишки, то тогда призыв производился лишь с 21 года, а во многих случаях еще на два-три года позднее. А так как служили тогда матросы в соответствии с российским законодательством семь лет, то в большинстве случаев матросы имели возраст в 23–28 лет, т. е. были уже вполне взрослыми людьми.

Из 780 матросов броненосца «Потемкин» было много относительно молодых матросов, прежде всего учеников кочегаров и машинистов, прибывших на флот весной 1905 года. При этом и вся команда была достаточно молода для российского флота того времени, т. к. ее основу составляли, прежде всего, призывники 1904 года, составлявшие около 30 % всей команды. При этом крестьяне составляли минимум 73 % команды, мещане – 9 %. Что касается представителей пролетариата, то их на корабле практически не было. Историк Ю.П. Кардашев в своем фундаментальном труде «Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда», провел исследование социального состава команды и пришел к следующему выводу: «Подавляющее большинство новобранцев броненосца состояло из призывников традиционных земледельческих районов России – центрально-черноземных и южных губерний, где в значительной степени преобладало крестьянское население. Кроме того, такие специальности, как кузнец, плотник, мельник, сапожник и ряд других были обычными для самой деревни и не означали полного отрыва этих людей от крестьянских занятий. В основном это были полурабочие-полукрестьяне, полурабочие-полуремесленники. Таким

образом, к «чистому» пролетариату относилась лишь незначительная часть команды, но какая именно, проследить по документам не представляется возможным. Если применять термины недавнего прошлого о классовой структуре общества, то следует признать, что команда «Потемкина» была в значительной степени мелкобуржуазной».

Данные Ю.П. Кардашева полностью опровергают бытовавшее утверждение советской историографии, что в технические службы кораблей подбирали «грамотную молодежь почти исключительно из рабочих».

На самом деле грамотных на броненосце была почти половина матросов, но это данные на момент призыва, так как в процессе службы многие матросы добровольно-принудительно, но читать и писать учились.

Опыт команды «Потемкина» был мал – только 80 матросов проходили ранее службу на других кораблях Черноморского флота (при этом большинство из них служило совсем не на боевых кораблях, а, к примеру, на транспорте «Березань», да еще 14 ранее служили на крейсере «Варяг». Вот и весь реальный опыт! А ведь командиру броненосца Е. Голикову надлежало в кратчайшие сроки сделать корабль боеготовым. Это значило, что надо было муштровывать команду непрерывными учениями днем и ночью. Именно так, так как никакой другой методики превращения небоеготового корабля в боеготовый до сегодняшнего дня никто и ни придумал.

Что касается дисциплины на «Потемкине», то она была хуже и не лучше, чем на других кораблях Черноморского флота. Основные взыскания, налагаемые на матросов, тоже самые обычные и бытовые – пьянство, драки, воровство. Гораздо реже встречаются такое взыс-

кание как «чтение не просмотренной офицерами литературы и уж совсем редко чтение или распространение листовок.

* * *

Эскадренного броненосца «Князь Потёмкин-Таврический»

Разумеется, служба в российском императорском флоте никогда раем не была. Как и на каждом флоте случалось всякое. Бывали и преступления, и несчастные случаи. Офицеры тоже были далеко не ангелами, могли и под суд отдать и по морде съездить. И хотя к началу XX века телесные наказания были уже далеко в прошлом, все же нерадивых матросов иногда били. Сказывалась и кастовость кадрового офицерства, которое было практически полностью дворянское и, в силу этого, не имевшее ничего общего с низшими социальными слоями. Все это так. Но доподлинно известно и то, что офицеры били матросов весьма редко, и это в самой офицерской среде рукоприкладство презиралось, а потому не было типичным. Если кто и бил матросов, так это сверхсрочники-кондуктора, да и то, сомневаюсь, что кто-то из них поднял бы руку на знающего свое дело старослужащего матроса. Если кондуктора и давали подзатыльники, то исключительно бестолковым новобранцам, чтобы учились шустрее. Но так было всегда, в том числе и в советское время. Командир отделения и по шее даст, и пожалеет, и на путь истинный наставит. Что касается «Потемкина», то, несмотря на все обвинения в адрес командования корабля, я нигде и никогда не встречал упоминания в воспоминаниях потемкинцев о конкретных случаях избияния матросов офицерами корабля. Ругали, это было. А слышали ли вы, как поносили нерадивых матросов на советских кораблях, да и на сегодняшних российских? Так что из-за этого всякий раз устраивать мятежи?

К тому же «Потемкин» еще не был принят в состав флота. На броненосце велись доделочные работы, и сам он пошел к Тендре, чтобы опробовать новые орудия и отработать артиллеристов. На новых кораблях команда всегда очень «сырая», так как является сборной с разных кораблей и учебных отрядов. Служившие на флоте знают, что новые корабли со сборными экипажами самые сложные. Ведь одна часть матросов переводятся на такие корабли с других командиров, как правило, не желая расставаться с дисциплинированными и хорошо подготов-

ленными подчиненными, отдают на новостройки по принципу «бери боже, что душе не гоже». Из-за этого у командиров новых кораблей наряду с освоением новой техники, испытаниями оружия и вводом корабля в боевую линию, стоит еще не менее важная и сложная задача в кратчайшее время создать из матросской массы то, что называется лаконично, но емко – экипаж. Период достройки опасен и резким падением дисциплины, так как на корабле идут заводские работы, туда-сюда снуют рабочие, внося неразбериху, да и сами матросы больше работают, чем занимаются службой, а потому любой корабль в период достройки больше напоминает плохой партизанский отряд, чем экипаж боевого корабля. Этот период времени традиционно дает всегда всплеск правонарушений. Отметим, что и второй мятеж на Черноморском флоте в ноябре 1905 года был поднят на крейсере «Очаков», корабле, находящимся в стадии достройки. Это, разумеется, не случайно.

В июне 1905 года перед командиром «Потемкина» капитаном 1 ранга Голиковым и его старшим офицером капитаном 2 ранга Гиляровским стояла серьезная задача – как можно быстрее ввести свой корабль в боевой состав флота. После Цусимы Россия осталась безоружна на море, и необходимо было в кратчайшие сроки пополнить флот полноценной боевой единицей. Это они, увы, сделать так и не успели. О том, что команда «Потемкина» была профессионально подготовлена очень плохо, говорит то, что, оказавшись без офицеров, матросы так и не смогли (и, слава Богу!) освоить стрельбу из орудий главного калибра и за несколько дней полностью засолили все котлы корабля.

Потемкинец Н.Рыжий в своих воспоминаниях делит матросов «Потемкина» на сознательных, тех, кто постоянно нарушали дисциплину и бунтовали (именно к таким относился Матюшенко и его ближайшее окружение, включая самого Н. Рыжего) и «жлобов», которые старались служить «верой и правдой» начальству и все действия офицерства считали законными. То были в большинстве представители селян-куркулей. Они только и мечтали отслужить как-нибудь и вернуться в свою сельскую среду живыми и здоровыми». Подавляющее дисциплинированное большинство команды было, разумеется, по градации Н. Рыжего «жлобами». Вообще, честно говоря, надо быть на самом деле изрядно не в себе, чтобы не мечтать «отслужить и вернуться живыми и здоровыми». Мечтать о судьбе уголовника может только истинный люмпен... Заметим, что на матросском жаргоне того времени т. н. «сознательные» матросы тоже имели свое наименование – их звали шпаной.

В целом же и офицеры, и сверхсрочники, и матросы «Потемкина» были вполне на уровне тогдашних требований, не лучше и не хуже, чем на других кораблях Черноморского флота.

* * *

У историков революционного движения мятеж на «Потемкине» традиционно определяется как знаковое событие в революции 1905 года. Кто-то называет его даже «детонатором последующей революционной бури на юге России». Думается, что такой взгляд слишком поверхностен и наивен, так как на самом деле поразивший Россию политический кризис был намного порядком в сложнее. В нем воедино переплелись происки западной и японской агентуры и экстремистские акции профессиональных разрушителей России – революционеров и националистов всех мастей, военные мятежи и крестьянские беспорядки, рабочие стачки и забастовки, недовольство, как либеральной интеллигенции, так и старого дворянства. Причем все это происходило на фоне сокрушительного и обидного поражения в войне с Японией.

Если даже рассматривать мятеж на «Потемкине», как один из фрагментов общероссийской смуты, необходимо признать, что государственные власти еще загодя готовились к возможным протестам и предпринимали определенные меры для их предотвращения, по крайней мере, в армии и на флоте. Хотя, как мы теперь понимаем, меры принимались все же весьма половинчатые.

Так, для предотвращения нежелательных контактов матросов с наводнившими Севастополь агитаторами всех мастей, командующий Черноморским флотом 1 ноября 1904 года издал приказ, запрещающий увольнение в город, что сразу же вызвало негодование матросов. В принципе все было сделано правильно, т. к. Россия находилась в состоянии войны, и матросам надо было готовиться сражаться с врагом, а не шляться по кабакам. Впрочем, возмущение матросов объяснялось еще и тем, что перед ними стояла перспектива отправки на 3-ю Тихоокеанскую эскадру, которая в это время уже готовилась к отплытию на Дальний Восток, и это не прибавляло им любви к власти.

Уже 3 ноября несколько тысяч матросов в Лазаревских казармах потребовали у дежурного офицера увольнения в город. Не получив от него разрешения, они вскрыли оружейные пирамиды, и, захватив оружие, принялись беспорядочно палить в воздух, потом сорвали с петель ворота военного городка и утопили их в Южной бухте. Одновременно самые предприимчивые сразу же бросились грабить находившиеся рядом с казармами офицерские квартиры, стремясь пожить за чужой счет и, прежде всего, разжиться спиртным. Некоторое время среди матросов замелькали неизвестные штатские лица, которые, собирая их в группы, начали призывать начать вооруженный мятеж. Но ничего у агитаторов не вышло. Матросы к этому времени уже выпустили пар и несколько успокоились, после чего вернулись в казармы.

Ноябрьские события 1904 года в Севастополе так и остались лишь массовой хулиганской выходкой, не более того. Однако это было уже предостережение, которое надо было учитывать в дальнейшем. Зачинщиков беспорядков подвергли аресту и различным наказаниям в соответствии с требованиями дисциплинарного устава и военного законодательства, но, впрочем, отнеслись достаточно лояльно. Несколько сотен матросов все же отправили на Балтику на доукомплектование 3-й эскадры. При их отправлении 5 декабря произошли новые волнения, на этот раз в основном среди портовых рабочих. Какое дело было портовым рабочим до перевода нескольких сотен матросов с одного флота на другой, никто вслух не говорит. Однако ответ здесь прост – дело было вовсе не в матросах, нужен был повод для выступления и повод был найден. Сегодня уже ни для кого не является тайной, что японская разведка щедро финансировала революционеров всех мастей, с единственной целью – организовывать саботаж на военных предприятиях и железных дорогах. Так что попытки севастопольских портовых рабочих вышедших на улицы со своими приезжими агитаторами явилось ничем иным, как отработкой полученных японских денег. В окнах вагонов воинского эшелона истеричные девицы выставляли заранее приготовленные красные флаги. Одновременно матросам раздавалась водка. Матросы водку пили, а выпив, горланили песни. В печати сообщалось, что пели именно революционные.

Власти в данном случае снова оказались на высоте. Истеричных девиц с перроны выгнали, темные субъекты разбежались сами. Наиболее перепившихся и хулиганивших сняли с эшелона и отдали под суд. Пятеро из них были приговорены к каторжным работам, 7 человек направлялись в арестантские роты, а 16 – в дисциплинарный батальон. В ответ на это в Одессе, Николаеве, Екатеринославле, Баку революционеры организовали акции протеста, впрочем, не слишком многочисленные и впечатляющие.

Разумеется, что командир «Потемкина» капитан 1 ранга Голиков несомненно знал о том, что на вверенном ему корабле тоже все не все ладно. Это следует из материалов судебного расследования по факту мятежа на броненосце. В них имеется сообщение прокурора Симферопольского суда о том, что «... по ходу следствия по делу потемкинского восстания выяснилось, что еще до выхода корабля в море, его командир капитан 1 ранга Голиков получил анонимное письмо с предупреждением об ожидаемом бунте эскадры в море, и далее приводились имена бунтовщиков на «Потемкине», но Голиков не докладывал об этом командованию флота». В этой излишней самонадеянности и нежелании «выносить сор из избы» и была его роковая ошибка.

За две недели до роковых событий на броненосце мичман Б.В. Вахтин неожиданно получил по почте от неизвестного лица пачку прокламаций. Для чего это было сделано, до конца не ясно, ведь кроме того, что это насторожит мичмана, и он обязательно доложит о странной посылке по команде, отправляющий прокламации не мог не понимать.

Вахтин Борис Васильевич, мичман броненосца «Князь Потёмкин Таврический»

Можно предположить, что это было своеобразным предупреждением преданного властям неизвестного матроса, оказавшегося каким-то образом в рядах бунтарей и решившим столь своеобразно предупредить командование о надвигающейся угрозе. По крайней мере, другого логичного объяснения данному факту я не вижу.

Глава третья

Мятеж, как это было в действительности

Накануне событий на «Потемкине» командующий Черноморским флотом вице-адмирала Г.П. Чухнин отбыл в Петербурге, куда на обсуждение новой судостроительной программы, оставив за себя старшего флагмана вицеадмирала Кригера. В числе последних распоряжений перед отъездом Чухнин отдал приказ командиру броненосца «Потемкин» выйти в отдельное плавание в Тендровский залив для выполнения артиллерийских стрельб главным калибром.

Александр Христианович Кригер

В воскресенье 12 июня 1905 года новейший эскадренный броненосец Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический» вышел на учебные стрельбы из Севастополя в Тенд-

ровский залив в сопровождении миноносца № 267. За день до этого на корабле произошло сразу два тревожных события. Во-первых, сразу 50 матросов под разными предложениями обратились к командованию с просьбой списать их с броненосца. Вероятно, они знали о подготовке восстания и не желали в нем участвовать. Во-вторых, кто-то из них предупредил командира анонимным письмом о планируемом мятеже и называл имена руководителей. Однако командир броненосца капитан 1 ранга Голиков почему-то оставил оба этих происшествия без должного внимания.

13 июня 1905 года эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический» в сопровождении миноносца № 267 прибыл к Тендровской косе для проведения опытных стрельб в присутствии прибывшей из Петербурга комиссии. Корабль был недавно спущен на воду, и необходимо было проверить прочность конструкции корабля в месте установки орудий. Кроме этого стрельбы должны были быть выполнены и в интересах артиллерийского отдела Морского Технического Комитета (МТК). Команда «Потемкина» на тот момент была сборная, в основном состоявшая из новобранцев и молодых матросов с других кораблей. Старослужащих, прослуживших на флоте более пяти лет, было всего около ста человек.

Историк Р.М. Мельников так описывал в своей книге «Броненосец «Потемкин» события, предшествующие мятежу: «12 июня 1905 года «Потемкин» снялся с бочки на большом Севастопольском рейде и, обогнув Константиновскую батарею, проложил курс на север. На левом траверзе корабля держался назначенный в распоряжение командира броненосца маленький 77-тонный миноносец № 267, давно уже, как и его собратья постройки 80-х годов, использовавшийся для посыльной службы. Командовал им «по совместительству» единственный на борту офицер лейтенант барон Клодт фон Юргенсбург, артиллерийский офицер «Потемкина»... В 7 часов утра, в понедельник 13 июня, обогнув справа длинную песчаную косу, корабли отдали якоря в пустынной Тендровской бухте. Уже оборудованная после зимы навигационными знаками бухта должна была вскоре заполниться кораблями Практической эскадры, кото-

рая подобно полкам, уходившим из казарм на лето в полевые лагеря, перебиралась с началом кампании для учений на удаленный от городских соблазнов и закрытый с моря удобный Тендровский рейд. Высланный вперед «Потемкин» должен был до прихода эскадры успеть выполнить задуманные МТК опытные стрельбы с целью определить эффективность действия снарядов при падении в воду вблизи борта корабля. Для участия в стрельбах на корабль прибыли, специально командированные из Петербурга начальник артиллерийской чертежной МТК полковник И.А. Шульц (на самом деле И.А. Шульц являлся полковником корпуса морской артиллерии – В.Ш.) и член комиссии морских артиллерийских опытов лейтенант Григорьев. На тот момент полковник Шульц являлся одним из лучших специалистов в области морской артиллерии.

Днем миноносец № 267, приняв мичмана Макарова, артельщика и буфетчика броненосца, ушел за провизией в Одессу, а командир Е.Н. Голиков, полковник И.А. Шульц и несколько офицеров отправились на берег для осмотра бетонных укреплений и рыбного завода. С управляющим заводом командир договорился о сетях для коллективной рыбной ловли – испытанного и безотказного средства отдыха и развлечения матросов, позволявшего на время забыть о тяготах службы, а заодно и отвлечь от опасных мыслей.

Между тем, покинувший в 21 час Одессу экипаж миноносца № 267, был весь во власти тревожной обстановки в городе, охваченном широкой политической стачкой, вот-вот грозившей перерасти в вооруженное восстание. Доставленные на тихий Тендровский рейд известия о массовых избиениях и расстрелах забастовщиков в Одессе, о первых разгоревшихся схватках рабочих с полицией быстро распространились среди матросов. Общее возбуждение охватило корабль. Достаточно было самого незначительного повода и решительного призыва к действию, чтобы пламя восстания охватило корабль».

Итак, днем 13 июня ревизор мичман Макаров с баталером Геращенко, с двумя артельщиками и двумя коками отправились на миноносце № 267 в Одессу для закупки провизии. Поскольку в Одессе в этот день уже началась забастовка, пришлось закупить 28 пудов мяса в частном магазине Коновалова. Мясо, хотя и не местного, а привозного убоя было пригодно к употреблению, другого, в охваченной беспорядками Одессе в тот момент просто не было. Затем мясо еще более пяти часов пролежало в мешках на горячей палубе миноносца, который задержался в пути на два часа из-за столкновения с вышедшей в море без огней рыбацкой шаландой. Помимо мяса было закуплено и большое количество овощей и зелени, как для кают-компании, и так и для команды. Переданное на броненосец после трех часов ночи, мясо, по свидетельству вахтенного прапорщика Ястребцева, было с небольшим «запашком». Заметим, что в это время Голиков уже договорился не только об организации рыбалки для матросов, но и по доставке на корабль свежей рыбы. Чтобы разнообразить матросский стол. Об этом факте историки постараются забыть, еще бы сатрап Голиков, «кормивший своих матросов червивым мясом» и вдруг такая забота о тех же матросах! Это никак не укладывалось в миф о «Потемкине». Кроме этого отметим, что 13 июня был объявлен на корабле выходным днем и команда броненосца отдыхала. Матросы лишь посменно несли стояночную вахту у действующих механизмов, все же остальные загорали на палубе, спали, читали и ловили с борта рыбу. Никаких занятий, никаких издевательств и притеснений. Этот факт отмечен в вахтенном журнале броненосца. Что ж, не так уж и плохо служилось на эскадренном броненосце «Князь Потемкин-Таврический».

В ночь на 14 июня часть привезенного мяса пошла на варку обеденного борща для команды, а остальное подвесили в мешках на спардеке с левой стороны.

В 10 утра началось предусмотренное расписанием дня купание команды в море. После купания боцмана и унтер-офицеры просвистали сигнал «К вину и на обед» и команда выстроилась на баке на традиционную чарку, за которой должен был последовать и обед.

Как и положено по корабельному уставу, вахтенный офицер прапорщик Н.Я. Ливинцев снял пробу борща. По сведениям квартирмейстера Матюшенко пробы Ливинцев не снимал. А когда старший офицер Гиляровский спросил его о качестве борща, то Ливинцев, якобы, ему ответил «Борщ чудный, я бы ел его с удовольствием, но, к сожалению, глотка болит».

Каким образом эту фразу слышал Матюшенко так и осталось загадкой, так как его просто никогда бы не пустили на ходовой мостик, да еще позволили стоять и подслушивать разговор старшего офицера корабля с вахтенным начальником. Скорее всего мы имеем дело с обычной выдумкой, сочиненной для оправдания своих последующих действий.

В это время вахтенному квартирмейстеру Луцаеву кто-то из команды заметил, будто борщ сварен из плохого мяса. Как «кто-то из команды» мог заметить приготовление борща из некачественного мяса непонятно. Кто хоть немного представляет себе организацию корабельной службы, знает, что доступ на камбуз на военном корабле весьма ограничен. Скорее всего, вахтенного квартирмейстера известили бы о «плохом борще» в любом случае, так как решение на мятеж было уже принято.

Дисциплинированный Луцаев немедленно доложил информацию о борще на вахту, после чего висевшее на спардеке мясо было освидетельствовано в присутствии мичмана Макарова старшим судовым врачом Смирновым. Он нашел его достаточно свежим, нуждающимся лишь в промывке рассолом для удаления замеченных на нем местами личинок домашней мухи: в жаркое время они легко появляются на всяком мясе. Никаких червей, как потом ввали многочисленные истории, на мясе обнаружено НЕ БЫЛО!

О результатах освидетельствования доложили старшему офицеру, и тот распорядился выдавать команде обед. Но лишь только в камбузе началась раздача борща по бачкам, откуда, ни возьмись, появился минный машинный квартирмейстер Афанасий Матюшенко с несколькими подручными матросами и под угрозой избиения, запретил бачковым разбирать бачки с борщом. Он-де сварен из червивого мяса! Бачковые, большинство которых составляли молодые матросы, разумеется, выполнили указание Матюшенко, так как знали, что связываться с ним далеко не безопасно.

Затем Матюшенко со своими сообщниками стал силой гнать всех из батарейной палубы, часть команды (а это были, в основном, новобранцы), разбирая куски хлеба, потянулась на бак. Тех, кто пытался пообедать украдкой, били и гнали наверх. После этого Матюшенко со своей братвой явился к вахтенному квартирмейстеру Луцаеву и заявил, что команда жалуется на недоброкачество борща и есть его не желает.

Старший врач броненосца «Князь Потёмкин Таврический» Сергей Егорович Смирнов

Историк Ю. Кардашев в своем труде «Буревестники» так описывает этот момент: «... Матросы удерживали друг друга за рукава. «Куда идете, – говорили они товарищам, – есть борщ с червями?» Вот так вот просто нежно удерживали «друг друга за рукава». Увы, на самом деле боевики Матюшенко кулаками отгоняли команду от обеденных баков. Часть команды уже начала есть, поэтому у них опрокидывали баки с борщом и пинками выгоняли наверх. Тех, кто все же пытался обедать, грозили выкинуть за борт. Составлялись списки «борщеедов», и Матюшенко грозил им расправой. Одному из таких бедолаг, посмевавшему, вопреки приказу Матюшенко, съесть свой борщ, кочегару М. Хандыге пригрозили убийством, после чего ему удалось вскоре сбежать с «Потемкина» по приходе в Одессу. Он то и рассказал первые подробности о мятеже на броненосце. Заметим, что те, кто поел свой борщ, но уже после захвата власти на корабле сторонниками Матюшенко были отнесены к категории надежных.

Пытался съесть борщ и ученик кочегара Резцов, но ему не дали этого сделать. По его словам, борщ был хороший, все хотели есть, но им не давали этого сделать.

Позднее станет известно, что сам Матюшенко от себя ничего не придумал. Он действовал в точности с переданной ему из Одессы инструкцией, в которой упоминалось именно о червях в мясе, как о самом лучшем поводе для возбуждения команды. В обвинительном акте по делу

о мятеже специально отмечалось, что «решение ни в коем случае не есть борща, передавалось среди команды еще задолго до обеда». Это подтвердили в своих воспоминаниях моляр Старцев и минный машинист Рыжий, признавшие, что матросы заранее уже решили по свистку дудки на обед не ходить, борща не есть и устроить на корабле бучу.

Любопытно, что, по словам потемкинца ученика кочегара А.С. Рыжова, «до завтра число и величина червей на нем все увеличивается», т. е. слухи о червивом мясе множились в геометрической прогрессии.

Тем временем Голиков, как гостеприимный хозяин, пригласил своего гостя полковника Шульца отобедать у него в салоне. Понять Голикова было можно, помимо гостеприимства, его, несомненно, интересовали взгляды и мнения столь опытного артиллериста, каким был Шульц, на использование артиллерии в современном морском бою, опираясь на опыт Порт-Артура и Цусимы. Шульц владел всей последней информацией на этот счет, тогда как офицеры Черноморского флота все еще пребывали в неведении о деталях обороны Порт-Артура и особенно относительно Цусимских событий. Так что двум офицерам было, о чем поговорить за обедом.

Тем временем старший офицер Гиляровский прибыл на батарейную палубу, где его встретили фельдфебели Кузьминов и Курилов, доложившие об инциденте с борщом. Поняв, что дело зашло уже весьма далеко и без вмешательства командира не обойтись, Гиляровский отправился к нему с докладом.

Из показаний И.А. Шульца: «Около 11 с половиной часов утра, как только командир вместе со мной начал обедать, явился старший офицер с докладом, что команда отказывается есть, сваренный из привезенного мяса борщ, так как мясо червивое и тухлое. При этом старший офицер объяснил, что по заявлению врача мясо было неиспорченное, а лишь только один

кусок покрылся червями, как это бывает при сильной жаре, сделав же промывку в рассоле, мясо сделалось вполне годным. Командир приказал собрать команду на шканцах. Когда это было сделано и доложено старшим офицером, командир вышел наверх».

Одновременно Голикову доложили, что командир миноносца № 267 просит «добро» сняться с якоря для поисков рыбаков, чтобы купить у них свежей рыбы к матросскому столу, о чем командиру велел сам Голиков накануне. Однако командиру броненосца было сейчас уже не до рыбы, и он приказал Клодту фон Юргенсбургу быть в готовности к отходу, но пока оставаться около «Потемкина». Для чего удержал миноносец Голиков, так и осталось тайной. Возможно, он просто не хотел пока забивать себе голову другими делами, кроме как решением вопроса с командой, а может быть, смутно он уже что-то предчувствовал и именно поэтому, предпочел иметь рядом с бортом своего броненосца быстроходный минный корабль.

Впрочем, есть свидетельства, что уже до появления в командирском салоне Гиляровского, командир уже знал о затеваемой бузе. Так по воспоминаниям участников мятежа его видели незадолго до этого в батареейной палубе, где Голиков спрашивал матросов, почему они не хотят есть борщ. На что ему отвечали, чтобы он ел такой борщ сам, а они лучше будут кушать хлеб с водой. По воспоминаниям поручика Коваленко уже тогда в настроении команды чувствовалось большое напряжение. По крайней мере, он лично слышал резкие выкрики из толпы в адрес Голикова и вообще офицеров. Крики были самые демагогические о том, что заставляют работать с шести утра до пяти вечера, а кормят гнильем». Странно, что это не насторожило Голикова. Впрочем, возможно сыграло свою роль и присутствие на борту полковника Шульца. Голиков, как гостеприимный хозяин, счел нужным все же разделить с ним трапезу и лишь доклад Гиляровского о том, что ситуация продолжает накаляться, вынудила его прервать совместный обед с уважаемым столичным гостем. Если все обстояло именно так, то это значит, что командир «Потемкина» в тот момент до конца еще не осознал всей критичности складывавшейся на борту его корабля ситуации.

Как и положено, по сигналу «большой сбор» заиграл горн, забил барабан, последовала команда «Повахтенно, во фронт!». Команда выстроилась на юте броненосца побортно. Первая вахта, как и положено по правому борту, вторая – по левому. Несколько офицеров во главе с Гиляровским собрались у кормового флагштока. По свидетельству очевидцев, ожидая командира, Гиляровский прохаживался из стороны в сторону с понурым и растерянным видом.

Выйдя, Голиков поздоровался с командой, та ответила, но недружно и слабо. Затем Голиков вызвал из строя артельщиков и коков и спросил их, почему команда отказалась от борща. Те ответили, что мясо было с червями. После этого командир приказал вызвать врача.

В это время Смирнов с другими офицерами заканчивал обед в кают-компании. По воспоминаниям поручика Коваленко, сбор команды был вполне обычным явлением, поэтому к сигналу о большом сборе офицеры отнеслись спокойно. Наверх поднялись лишь строевые офицеры, механики и врачи же остались дообедывать.

Получив приказание прибыть на ют, старший врач Смирнов вместе с младшим врачом Голенко поднялись на верхнюю палубу. После этого Голиков приказал подать пробу борща и в присутствии команды приказал Смирнову снять пробу борща. По одним показаниям Смирнов попробовал борщ, по другим нет. Как бы то ни было, но он признал борщ хорошим и добавил, что матросы просто зажирели. Услышав это, из строя раздались крики: «Если борщ хороший, то кушай же его!» Поднялся шум. Стремясь навести порядок в строю, Гиляровский приказал матросам замолчать.

Тем временем Голиков поднялся на буксирный кнехт.

Относительно речи Голикова воспоминания потемкинцев разнятся. Одни вспоминают, что командир разъяснял необоснованность претензии, другие (наиболее активные участники мятежа), что он им угрожал расправой.

В более-менее обобщенном виде речь Голикова выглядела приблизительно такой: «Так как по заключению врача борщ признан хорошим, то нет больше никаких оснований считать его плохим. Это уже третий раз, когда вы под

разными предложениями демонстрируете свое неподчинение, предъявляя необоснованные претензии к качеству продуктов. Это бунт не только против меня, но и против царя. Я прикажу врачам опечатать порцию борща и доставить ее на миноносце в Севастополь на анализ к прокурору. Прошу всех успокоиться и приступить к обеду. Вас пытаются возбудить против власти несколько зачинщиков. Некоторые из них мне уже известны и их ждет суровая кара. Как командир, корабля, находящегося в отдельном плавании, я имею право применить к ним самые суровые меры».

После этого Голиков объявил, что все, кто желает теперь кушать борщ должны выйти к 12-дюймовой башни, а кто не хочет, для тех у него найдется управа.

Первыми выполнили команду кондукторы, боцмана и большинство унтер-офицеров, всего человек двадцать. Первым вышел, пользовавшийся большим авторитетом, кондуктор Вакуленчук. Голиков еще раз повторил свой приказ. Тогда из строя вышло уже более полутора сотен человек. Позднее в потемкинской литературе, освещая этот скользкий момент, будут писать, что матросы «боясь сами за себя, удерживали друг друга за рукава». В реальности представить такое невозможно, и правильно, потому, что ничего подобного не было. На самом деле боевики Матюшенко силой удерживали остальных матросов в строю, применяя при этом физическую силу. Однако матросы все переходили и переходили. Тогда матюшенковцы начали применять для удержания матросов на своей стороне физическую силу. Увидев это, Голиков понял, что активистов надо изолировать от остальной команды и уже потом с ними разбираться. Поэтому он приказал вызвать караул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.